

Василий
АКСЕНОВ

ЛЕНД-ЛИЗОВСКИЕ
Lend - leasing

Василий Павлович Аксенов

Ленд-лизовские. Lend-leasing

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=427762
Ленд-лизовские. Lend-leasing: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-44465-6

Аннотация

Перед вами не игра и не фальсификация. Это – последний роман Василия Аксенова, публикуемый, к огромному сожалению, уже после смерти Автора. Неоконченный автобиографический роман о детстве и юности, сильный и красивый, под стать самому автору, – не просто портрет совсем еще юного Аксенова, увиденного самим же собой с высоты прожитых лет. Это памятник эпохе богатырей, чья молодость пришлась на ужасные годы Великой Отечественной и чью судьбу определила война на годы вперед.

Аксенов, как никто, умел в своих книгах концентрировать счастье мира – щедро делиться им с читателем, даря шанс взглянуть на порой грустные и страшные вещи взглядом мужественным и светлым.

Роман выходит с короткими предисловиями-репликами коллег и друзей Аксенова, каждый из которых вспомнил об авторе что-то очень личное и доброе, словно по кирпичикам воссоздавая образ Аксенова – философа, стилиста, борца и просто очень обаятельного человека.

«Ленд-лизовские. Lend-leasing» – и финал, и одновременно начало Большого творческого пути, последнее звено в цепи произведений Аксенова, смыкающееся с первыми повестями, принесшими автору успех и любовь миллионов. Эта книга – подарок всем читателям Аксенова, сегодняшний привет из далекого прошлого и напоминание о том, что настоящие писатели никогда не умирают.

Содержание

Дмитрий Быков	4
Виктор Есипов	7
Алексей Козлов	11
Часть первая	14
Сон Акси-Вакси на двенадцатом году детства	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Василий Аксенов

Ленд-лизовские. Lend-leasing

Дмитрий Быков

Предисловие к роману Василия Аксенова

Перед вами последний роман Василия Аксенова, двести страниц которого нашел в компьютере его сын Алексей. Аксенов рассчитывал закончить книгу к лету 2008 года. К 15 января этого года, когда он за рулем потерял сознание и до самой смерти не приходил в себя в результате так называемого ишемического инсульта, книга была готова примерно на две трети.

Есть что-то странное – и пугающее, и прекрасное – в таком долгом аксеновском уходе: полтора года он пребывал между жизнью и смертью, словно давая возможность привыкнуть, что его не будет. Новые книги продолжают выходить – сначала сборник малой прозы «Логово льва», куда вошло раннее и полузабытое. Потом «Таинственная страсть», поныне удерживающаяся в бестселлерах, – самые субъективные мемуары из всех шестидесятичелюстных, но пристрастные в ахмадулинском смысле – «Да будем мы к своим друзьям пристрастны». Никогда о людях шестидесятих годов – с их метаниями, конформизмом и даже «таинственной страстью» к предательству, – не писали с такой любовью и горечью. Думаю, втайне Аксенов и рассчитывал на посмертную публикацию – не потому, что боялся рассориться с живыми, ссориться там не за что, а потому, что хотел их утешить этой книгой. Но сама мысль о «последнем романе», о прощании с литературой – совершенно не аксеновская: он, как все настоящие литераторы, чувствовал себя живым, только когда сочинял. И потому взялся за повесть о казанском детстве – единственном периоде его жизни, о котором не написано у него ни строки, если не считать гениальных «Завтраков 43-го года».

Почему «Ленд-лизовские. Lend-leasing»? У меня субъективное отношение к этому, но покажите мне человека, который объективен к явлению столь яркому и поляризующему, как Василий Павлович. Его либо обожали, либо на дух не принимали. Я знаю двух крупных критиков, один из которых пылко и убедительно доказывает, что Аксенов – прирожденный рассказчик и ни в коем случае не должен был браться за романы, а все, что было после «Ожога» включительно, рядом не лежало с «Победой» и «Бочкотарой», – тогда как другой с той же страстью убеждает, что Аксенов прежде всего романист, и рассказы его – плоские эскизы, а начался он как прозаик только с «Ожога», с идей полифонического романа, достигшего высшего развития в «Кесаревом свечении». А сам я полагаю, что главный жанр Аксенова – повесть, и что лучшие его сочинения – «Рандеву», «Цапля» (повесть в драматической форме), «Стальная птица», «Поиски жанра» и детская трилогия. Так что чего-чего, а объективности этому автору не видать еще долго, и это хорошая судьба.

И вот мне кажется, что главной интенцией аксеновского сочинительства, подспудным авторским мотивом всегда был поиск счастья, фиксация самых острых его моментов. Это не просто счастье, а упоение, экстаз, выход за собственные пределы. В разные периоды он испытывал это счастье от разных вещей: от встречи с матерью после десятилетней мучительной разлуки, от встречи с дождливой, свежей, таинственной Европой, близость которой стала так ощутима в Ленинграде 1955 года, от джаза, от влюбленностей, от собственных

внезапно открывшихся и все расширявшихся стилистических возможностей... Иногда это счастье ему дарил Крым, а иногда – вождение «жигуля». Иногда волейбол, а иногда алкоголь. Сначала Россия, потом Америка, а потом Франция. И читатель, раскрывая любой том Аксенова на любом месте, может рассчитывать на ожог счастья – я вообще против того, чтобы трактовать название «Ожога» только как намек на родовую травму, не позволяющую прикоснуться к главным надеждам и страхам. Для Аксенова с его поразительной реактивностью, гиперергией (термин медицинский, но ведь и он был врач) весь мир был – ожог, как для слизистой – глоток спирта. Другие пьянели, а он впадал в священное безумие, иногда счастливое, иногда мрачное. Другие наслаждались чужим текстом, а его этот текст заводил, ионизировал, вводил в транс – и потому его похвалы всегда так преувеличены; для Аксенова сказать «старик, ты гений» было совершенно естественно, и он знал это за собой, посвятив этому выражению прелестный пассаж в очерке «Иван». И страдал он так же отчаянно – вряд ли есть в русской литературе XX века книга, исполненная такой ненависти и боли, как «Ожог» (сам ВП однажды сказал: «Не люблю, истерическая книга», – но цену знал). Подчеркиваю: более страшных книг – полно, тут и Шаламов, и Солженицын, в конце концов, но такой детской силы чувства нет больше нигде. Слезы страдания, жалости, бессилия, неприимности, животного ужаса перед нечеловеческим. И поскольку разогревать себя и свою литературу до нужного градуса счастья – или страдания – ему с годами становилось трудней, главной логикой его писательского развития был поиск все более сильного и экзотического материала, обращение к тем историям или воспоминаниям, которые бы гарантировали самые сильные чувства. Отсюда «Таинственная страсть» с ее коктебельскими восторгами – может, и преувеличенными, но он так запомнил. Отсюда неожиданные «Редкие земли» с их фантастикой, отсылкой к «Сундучку» и «Памятнику», диким контрастом между той детской идиллией и «Фортецией», с потрясающей сценой заключения и освобождения всех его любимых персонажей и с их гала-парадом по ночной Москве. Отсюда даже «Вольтерьянцы и вольтерьянки», которые лично мне никогда не нравились, – но понять, почему его туда метнуло, можно: восемнадцатый век, все впервые, все свежо! Любимая тема: радостный ожог от соприкосновения с Европой! Ведь с той куртуазной Россией случилось то же, что с ним самим в двадцать два года, – шок освобождения. И этот шок ломает речь, кочевряжит язык, порождает стилистического монстра, вычурно вестернизированного, трудно воспринимаемого, избыточного, – но местами восторг! И «Ленд-лизские. Lend-leasing» с его мрачным карнавалом советских типажей, военных и репрессивных трагедий, соседских дрызг и кляуз, с воспоминаниями о голоде, страхе, вражде, – переполнен таким счастьем, какое у позднего Аксенова редко найдешь. Детство – не только «ковш душевной глубины», по Пастернаку, но кладезь самых сильных, зашкаливающих эмоций, время нечеловеческого напряжения, – и вот «Ленд-лизские. Lend-leasing» про это. В поисках самого острого счастья – Победы – Аксенов спустился в свой детский ад, и в этих шахтах кое-что так блестит, как никогда и нигде потом, ни в какой загранице.

Аксеновское детство было взрослым – не потому, что у него рано отняли родителей и дом, а потому, что он в силу ума, таланта и все той же остроты восприятия все воспринимал гипертрофированно, и не было у него той спасительной детской дистанции между жизнью и игрой, какая бывает у счастливых или глупых детей. У него все было всерьез, каждая драка, каждое слово, и он не прикасался к казанскому опыту военных лет не потому, что боялся растревожить рану, а потому, что берег этот материал на крайний случай. «Ленд-лиз» – гуманитарная помощь, и смысл названия не только в том, что Запад временно полюбил Россию и помогал ей, закладывая основы будущей шестидесятилетней благодарности Америке, – а и в том, что Аксенов обращается к собственному детству за гуманитарной помощью, за источником силы и надежды, и оно эту помощь оказывает.

То, что Аксенов продолжает к нам приходить, – это, конечно, большое счастье. Он много всего наготовил. Пусть услышит там, где он сейчас, – наше спасибо. Потому что само его присутствие было доказательством чуда, свидетельством невероятных возможностей; потому что рядом с ним было не страшно, как около отца, который все умеет и у которого все получается. Вот и еще один роман вышел, ура, Аксенов с нами. Хотя мы и так не сомневались.

Виктор Есипов Последний старт Василия Аксенова

Настойчивые призывы выступить в жанре мемуаров Василий Аксенов отвергал решительно и жестко, потому что считал это абсолютной сдачей позиций. Именно так реагировал он, например, в предисловии к сравнительно недавней книге «Зеница ока» (2005) на подобные призывы доброхотов:

«С нарастанием числа лет я всё больше получаю приглашений от издателей перейти на жанр воспоминаний. Многие говорят, что это модно, многие гарантируют успех на рынке. Немногие – те, что не спешат, – говорят, что это вроде бы мой долг. Кому долг и велик ли он? Долг прожитой жизни, ностальгии. У меня на этот счет есть своя точка зрения. Для меня литература – это и есть ностальгия, ничего больше и ничего меньше. Любая страница художественного текста – это попытка удержать или вернуть пролетающее и ускользающее мгновение. С этой точки зрения смешно ждать от автора двадцати пяти романов еще какой-то дополнительной ностальгии. Лучше уж я увеличу число романов, пока могу. Вот почему я постоянно уваливаю от любезных приглашений».

Так он поступил и на этот раз: вместо воспоминаний о своем военном детстве в Казани решил написать новый роман, который должен был состоять из трех частей. Он написал первую часть, начал вторую. Конечно, довел бы ее до конца и написал третью, но не успел...

А воспоминания о детстве Василий Аксенов хранил в памяти всю жизнь. Порой они прорывались наружу, в его прозу или в устные рассказы. Например, в рассказе «Зеница ока» (первая редакция относится к середине шестидесятых годов прошлого века, опубликован в 2004 году) он описал семью родной тетки, в которой рос, пока его отец и мать в качестве «врагов народа» отбывали сроки в сталинских лагерях. В «Зенице ока» есть краткие упоминания и голодного 1942 года, и ленд-лиза, и «игрищ» казанских подростков, сверстников рассказчика:

«Прошел еще год войны. Вдруг показалось, что выжили. Вечно сосущее чувство голода стало отступать по мере проникновения в мизерные пайки кое-каких лендлизовских продуктов, в частности яичного порошка и сала лярд. Павлушиному сыну шел уже одиннадцатый год. Он увлекался Джеком Лондоном, а также выпусками боевика «Тайна профессора Бураго». О судьбе своих родителей, отца Павла и матери Евгении, он ничего не знал <...> Детство шло в активных игрищах со сверстниками. Дома соединялись проходными дворами, и пацаны носились по таинственным углам грязного мира, а также по чердакам и крышам...»

На тех же воспоминаниях голодных военных лет в Казани строился ранний аксеновский рассказ «Завтраки 43-го года» (1962):

«Мы учились с Ним в одном классе во время войны в далеком перенаселенном, заросшем желтым грязным льдом волжском городе. Он был третье-годник, я догнал его в четвертом классе в 43-м году. Я был тогда хил, ходил в телогрейке, огромных сапогах и темно-синих штанах, которые мне выделили по ордеру из американских подарков. Штаны были жесткие, из чертовой кожи...».

А в повести «Свияжск» (1981), помимо все тех же примет быта военных годин, фигурируют «начальник» пионерского лагеря «однорукий инвалид войны Прахаренко» (в романе

– Стручков) и физрук Лидия (в романе – Эля Крутоярова). Так, ее герой Олег Шатуновский вспоминает:

«Признаться, я почти ничего не помню (о Свяжске. – В.Е.): ни расположения домов, ни рисунка решеток, ни числа людей, ни их лиц, за исключением, пожалуй, лишь начальника Прахаренко с его здоровенным шнобелем, да плакатной физкультурной физиономии нашей поднадзорной Лидии. Пожалуй, можно еще вспомнить высокую траву вперемешку с пучками камыша меж песчаных отмелей волжской стороны острова и загорелые ноги “физручки”, поднятые выше травы. В конце концов мы выследили ее и нашего начальника, спрятавшись за дюнкой, и стали свидетелями удивительного акта, просто-напросто озарившего все это наше пионерское лето».

Своеобразный колорит Казани угадывался и в рассказе «Две шинели и нос» из книги рассказов «Негатив положительного героя», там, правда, герой-рассказчик предстает перед нами уже в пору своей юности.

А из устных рассказов Аксенова запомнилось, что он дважды тонул в детстве. Первый раз в восемь лет – на реке Казанке, куда отправился купаться вместе с ватагой ребят из соседних дворов. Его чудом спас какой-то солдат: вытащил на берег, делал искусственное дыхание, откачал. В другой раз – через несколько лет, когда был в пионерском лагере. Тогда перевернулся баркас на слиянии Свяги с Волгой. Спасли оказавшиеся неподалеку рыбаки. Оба этих случая более развернуто запечатлены в романе.

Не раз вспоминал Аксенов с благодарностью американскую помощь Советскому Союзу по ленд-лизу во время войны. Сам факт безвозмездной американской помощи и ее масштабы долгие годы замалчивались советской пропагандой. Аксенов же был убежден, что эта помощь многих спасла от голодной смерти, в первую очередь детей...

Все эти разрозненные воспоминания (и в разговорах, и в прозе) стали основой нового романа, во всяком случае, его первой части, которая даже при сравнении с лучшими вещами Аксенова отличается особой густотой и плотностью письма.

Что послужило побудительным толчком для его написания: причудливая случайность, внутренний долг очевидца военных лет рассказать правду о пережитом, возраст? А может быть, предстоящее посещение родной Казани в связи с фестивалем 2007 года, устроенным в его честь?

«Аксенов-фест 2007» прошел торжественно и пышно: с триумфальным вечером в драматическом театре, с посещением президента республики. В тот приезд прославленный писатель побывал и в доме, где прошло сиротское детство (тогда еще полуразрушенном, а теперь восстановленном и превращенном в Дом Аксенова), и в школе, где когда-то учился, и на кладбище, где могилы отца и других близких. Заметим, что тогда, в октябре 2007-го, он уже всю работу над своим последним сочинением...

А примерно месяц спустя в Москве упомянул как-то, что написана первая часть романа о «детях ленд-лиза». Сказал, что это такой самый настоящий, кондовый реализм, от которого он устал, и теперь нужно какое-то более свободное письмо, нужен какой-то прорыв.

Но, как убедиться внимательный читатель, реализм-то этот все-таки чисто аксеновский. Ведь, несмотря на то, что основа повествования сугубо достоверна, вплоть до названий кинотеатров и улиц, здесь одновременно с этим столько художественных преувеличений, блестящего гротеска и фантазии, что вряд ли написанное таким образом может быть отнесено к тому добротному реализму, образцом которого являлась русская классика. Не позволяет этого сделать и язык повествования – сугубо уличный, с характерным аксеновским акцентом, подчеркнуто нелитературный.

А стремление освободиться от этого, пусть и особым образом понятого реализма, воспарить над элементарной достоверностью и обыденностью происходящего весьма характерно для творчества Аксенова. Он делал это не однажды (в зрелых вещах чуть ли не всегда), что является, быть может, главной отличительной чертой его стиля.

Очень показателен в этом смысле рассказ «А А А А» из уже упомянутой книги «Негатив положительного героя». Весь он насыщен вполне достоверными деталями и местами даже смахивает на дневниковую запись, не лишенную, впрочем, весьма артистичных иронических эскапад, и вдруг в последней части находим такое вот авторское предуведомление: «Пришла уже пора подкручивать этому рассказу пружину». И начинается! Появляется надувной матрас, как плавучее средство для выхода из советской береговой зоны в нейтральные воды Балтики; прорезают темень прожектора пограничников; выныривают из темноты неведомые аквалангисты, которые увлекают с собой, словно «морские черти», мирную эстонскую библиотекаршу, дрейфующую вместе с героем-рассказчиком на означенном выше надувном матрасике.

Ту же резкую смену стиля наблюдаем и в последнем романе. К концу первой части нарастают прорывы в какую-то параллельную реальность, трудно постигаемую читателем, который приуныл уже к достоверной повествовательности предыдущих страниц. Нарастающий ритм напоминает учащенное сердцебиение. Резко меняется и лексика, опорными словами фраз становятся по-хлебниковски неожиданные неологизмы:

«И вот сим мифом заплясали в коки-маки! Они пошли уже всем дядинским кругоераком заплясали перед большим-антинским запрозаком; ну, чтобы вы хотели – танцуйте как бы вы хотели...»

Вторая часть романа, вернее, начало второй части (автор успел написать лишь три десятка страниц) вовлекает читателя в какие-то фантастические приключения. Герой романа Акси-Вакси на катере «Знаменательный» Краснознаменной Волжско-Каспийской речной флотилии вместе со своими друзьями мчится «в зону огромной бухты Остров-99», где собралась мощная флотилия кораблей ленд-лиза. Дальше начинаются военные сражения с «мощной державой Юга», которая пытается прервать снабжение по ленд-лизу. Эпизоды сражения перемежаются любовными сценами. Все это вызывает ощущение фантасмагории, разворачивающейся на наших глазах.

По-видимому, эти страницы романа представляют собой попытку реконструкции мальчишеского сознания, развитого мальчишеского воображения, не исключающего готовности к самопожертвованию и подвигу. Подтверждение тому вновь находим в повести «Связьск», где ее герой вспоминает:

«База Волжской военной флотилии находилась где-то неподалеку от нашего пионерлагеря, и это, конечно, страшно нас интриговало. Много было разговоров о мониторах, удивительных, мелко сидящих судах с башенной тяжелой артиллерией, настоящих речных дредноутах...»

Как должно было продолжиться повествование? Какие испытания ожидали в дальнейшем героя романа Акси-Вакси? Какие новые стилистические изменения претерпел бы роман? Продолжался бы свободный полет авторского воображения или повествование возвратилось бы на твердую почву достоверности?

На все эти вопросы не смог бы ответить даже Василий Аксенов, потому что творческий процесс являлся для него прежде всего импровизацией, недаром он с юности так любил джаз. А роман был прерван в ходе работы...

И все же отраднo, что написанная им часть романа воспроизведена в этом издании с абсолютной точностью – без какого-либо дописывания, редакторской правки и т. п. Любое вторжение в авторский текст было бы неуместным, прежде всего, по соображениям этическим.

Тем горше осознавать тот невероятный произвол, который учинили над текстом недавно умершего писателя издатели «Таинственной страсти» (Издательство «Семь дней», Москва, 2009), последнего завершеногo аксеновского романа. После смерти Аксенова он был подвергнут вопреки его авторской воле семейной цензуре издателей, на что уже обратил внимание публики его ближайший друг Анатолий Гладилин в публикации на страницах журнала «Казань» (№ 3, 2010). Текст Аксенова «отредактировали», вымарав 4 (четыре!) полноценных главы и сделав пространные купюры в двух сохранившихся. Словно вернулись старые «добрые» времена, когда тексты Аксенова кромсала государственная цензура. Только тогда это было узаконено коммунистической властью, а сегодня, как видимо, полагают издатели, узаконено их деньгами.

К чести издательства «Эксмо», опубликованный ныне самый последний неоконченный текст Василия Аксенова читатели прочтут именно в том виде, какой он имел, когда писатель в последний раз выключал свой компьютер.

Алексей Козлов

Поверх ненависти

Для меня Василий Аксенов всегда был своим, то есть джазменом. Не в узко музыкальном смысле, а в общечеловеческом. Он обладал даром импровизации, потрясающим чувством драйва, был абсолютно независимым и свободным от догм и властей, не мог делать как все, то есть быть частью толпы. И терпеть не мог приспособленцев. По своему стилистическому многообразию наследие Аксенова можно сравнить с тем, что сделал в джазе Майлз Дэйвис, творивший во многих стилях от кул-джаза и модальной музыки до фри-джаза и фанки-фьюжн.

Я думаю, что среди известных советских писателей послевоенного поколения вряд ли кто-нибудь перенес в детстве психологические травмы, подобные тем, что описаны в последней книге Василия Аксенова. То, что все дети, родившиеся в 30-е годы, в одночасье повзрослели и даже постарели 22 июня 1941 года, уже было многократно отражено как в литературе, так и в кинофильмах советского периода. Но насколько остро это ощущается в данной книге, мне кажется, не удалось передать никому. А главное, что Василий Аксенов после всего, что сделала советская система с ним и его близкими, нашел в себе душевные силы и поднялся надо всем этим.

У него хватило мудрости и широты души простить эту власть, отнести к ней как к тяжело больному уродливому организму, одряхлевшему, лживому и все еще опасному. В своих последних интервью он прямо говорил о том, что всегда мечтал вернуться в Россию. Он начал осуществлять эту идею постепенно, сперва обосновавшись в квартире в высотке на Котельниках, которую вернул Майе тогдашний мэр Москвы Гавриил Попов. Позже он приобрел дом в Биаррице, чтобы обитать в Европе, ближе к Москве, где и провел свои последние годы жизни, постепенно вращаясь в абсолютно новую для него культуру, с новым языком, иными эстетическими ценностями. Для писателя-эмигранта это был настоящий подвиг — переосмыслить жизнь в постсоветской России и возродиться для нового российского читателя, создав целый ряд произведений, составивших основы нового творческого периода.

Я помню, как в один из первых приездов в Москву, где-то в конце 80-х, на волне горбачевской перестройки, Аксенов позвонил мне и попросил отвезти его в Серебряный Бор. У него тогда еще не было в России собственного автомобиля. А у меня уже были «Жигули». И вот, в летний воскресный день мы поехали по Хорошевке, но на территорию этого дачного острова дорога оказалась перекрытой ГАИ. Мы оставили машину неподалеку от шлагбаума и пешком перешли то, что можно условно назвать мостом. И очутились в Серебряном Бору. В советские времена это было дачное место, причем наряду с простыми домиками местных жителей там постепенно возникли целые участки с домами, где разрешали селиться только известным людям — ученым, писателям, генералам, партийным функционерам. Таким образом Серебряный Бор стал типично советским «блатным» поселком.

Я еще не совсем понимал, почему Вася попросил привести его именно сюда. Как только мы вступили на первую улочку между дачными заборами, он объяснил мне, что, живя в Вашингтоне, работал над романом «Московская сага», где все действие разворачивается в одном огромном доме в Серебряном Бору, где выросло несколько поколений одной известной советской семьи, пережившей все периоды нашей истории, репрессии, взлеты и паде-

ния. Работая над романом в Америке, Василий мысленно представлял, как должен выглядеть этот дом. Мы довольно долго бродили по поселку, но Аксенов никак не мог найти хоть что-то, похожее на то, что уже сложилось в его сознании. И все-таки мы съездили не зря. Неожиданно Василий застыл и, показав мне на двухэтажный деревянный особняк, стоящий за забором на большом участке, воскликнул: «Вот этот дом! Таким я себе его и представлял!» Он сразу успокоился, после чего мы уехали.

Иногда, во время первых визитов в Москву, Вася просил меня сводить его в типичное злачное место, где проводит время современная молодежь. Ему необходимо было понять, что происходит с новым поколением тех, кому предстоит жить в свободной России. В самом начале 90-х в Москве ночные дискотеки были редкостью, но зато какие, и что там творилось. Одним из самых популярных мест тогда была дискотека «Ред зон», находившаяся в районе спорткомплекса ЦСКА рядом с «Аэровокзалом» на Ленинградском шоссе. Сам я ни за что бы туда не сунулся, поскольку там собиралась «урла», плебейская шпана из Подмоскovie. Там можно было оглохнуть от грохота примитивной модной совковой «попсы». Но ради Васи я осмелился. В громадном помещении, бывшем когда-то одним из цехов какого-то предприятия, были установлены высоченные узкие клетки, сделанные из прозрачного плексиглаза. В каждой из них, подсвеченные софитами, кривлялись и извивались всю ночь без перерыва совершенно голые молоденькие девушки. Василий, увидев все это, слегка обалдел и сказал, что даже в Америке такое невозможно.

Вообще, первые визиты в Москву принесли ему, как мне показалось, массу неожиданных, если не разочарования, несмотря на горячий прием со стороны старых друзей и театрально-литературной общественности. Особенно его поразила бурная торговая активность, обилие вещевых рынков, армия «челноков», возрождение жулья, наперсточников, карманников, кидал разного типа и, конечно, сопрвождавшего все это рэкета, «крышевания», заказных убийств и бандитских разборок, происходивших тогда прямо на улицах города. Мне кажется, что именно ему принадлежит появившийся новый термин, охарактеризовавший российскую экономику – «караванный капитализм». И тем не менее Аксенов сумел преодолеть это первое негативное впечатление и начал более углубленно познавать российскую культурную действительность, к тому времени ушедшую в глубокое подполье, гораздо более глубокое, чем при большевиках. Это подполье, в отличие от идеологического, где еще возможны были разные сложные игры с властями, стало абсолютно глухим и безнадежным для тех, кто не собирался продаваться людям с мешками денег. Все настоящее переместилось в сферу, которую точнее было бы назвать «субкультурой». И Аксенов довольно быстро освоился в этом пространстве.

Должен признаться, что аксеновская способность к всепрощению помогла мне избавиться от тотальной ненависти ко всему советскому, относящемуся к годам моей юности, то есть к хрущевско-брежневским временам. (Простить или забыть такие вещи, как нацизм, холокост или сталинизм невозможно. Это далеко выходит за рамки обычной человеческой морали и относится скорее к проявлению Высших сил Зла. Такое не поддается человеческому разуму.) Для меня, как джазмана, не имевшего никаких перспектив в сталинско-хрущевско-брежневские времена, не оставалось тогда никаких иных чувств, кроме ненависти и презрения к «совку». Позднее, когда монстр рухнул и мы вдруг оказались на свободе, постепенно стало приходить прозрение, что существовать дальше, ненавидя все советское, это значит – продолжать жить в этом самом «совке». Я ощутил это особенно остро, когда у меня появилась возможность ездить за рубеж и возобновились контакты с теми, кто давно эмигрировал. Как выяснилось, многие бывшие советские люди так и живут в своем виртуаль-

ном советском прошлом, заказывая себе из России в Израиль, в Германию или США своих любимых советских эстрадных «звезд», именно тех, что для нормальной диссидентски ориентированной интеллигенции были символом этого самого «совка», с привкусом пошлости. Аксенов, как истинный знаток джаза и джазмен в душе, к этой категории эмигрантов никогда не относился. Он ощущал себя настоящим американцем, но сохранил любовь к России. Это самосознание оставалось и после его передислокации в Москву.

В книге «Ленд-лизские. Lend-leasing» не только встает во всем своем ужасе голод военных лет, но и та громадная роль помощи союзников, о которой незаслуженно умалчивали и тогда, да и сейчас. Трудно представить, как обернулись бы события во Второй мировой войне, если бы не «Ленд-лиз» и не открытие Второго фронта. Василий Аксенов по-своему попытался восстановить справедливость.

Часть первая

За несколько дворов от нашего захезанного сада в подвальном помещении с матухой-дворничихой жил авторитетный подросток Шранин. За год до войны он умудрился в каком-то клубе пробавляться помощником киномеханика; отсюда и возник среди детей его исключительный авторитет.

В конце тридцатых вышел удивительный фильм «Заклученные». Он повествовал о строительстве Беломоро-Балтийского канала. Многие тысячи эков проходили процесс героической перековки. Огромный лозунг над входом в зону вещал мудрость XX века: «Труд приносит свободу!» Энтузиасты с лопатами и кирками бодро маршировали к шлюзам.

Далеко не все, однако, обладали самосознанием. В одном из бараков зоны блатные эки категорически бойкотировали созидательный труд. Вохра гнала их к тачкам, а они, обхлопывая себя по коленкам и задам, отчебучивали чечетку.

Грязной тачкой
Рук не пачкай!
Ха-ха!
Это дело перекурим
Как-нибудь!

Во главе барака стоял персонаж по кличке Костя-капитан. В исполнении резко характерного актера Астангова этот персонаж захватил популярность городских дворов. Пацаны носили кепарики набекрень, черные полупальто с поднятым воротом, цикали желтой дегтярной слюной или жмыхом из-за фальшивой «фиксы», хрипели под гитаренцию:

Этап на Север, срока огромные,
Кого ни спросишь, у всех Указ!
Взгляни, взгляни в лицо мое суровое,
Взгляни, быть может, в последний раз...

Картину очень быстро запретили как идеологически неверную и вредную. Перековка жестокого «пахана» в «стахановца» была поднята на смех, экран потух, остались только припрятанные в аппаратной кадрики любимого героя.

В архипелаге болгарском вокруг Проломной и Кабана к таким пятнадцатилетним «капитанам», вроде Шмока Шранина и Бобы Свэчко, не рекомендовали приближаться.

Свэчко мог спросить Шранина: «Это что за пацан вокруг нас крутится, Шмок?» – «Да это Акси-Вакси, из пятьдесят пятого малолетка». – «Вакуированный, что ль?» – «Да нет, сам подрос».

Они пошли на перехват, допустим, Акси-Вакси. У Шранина чубчик вился под срезанным козырьком. У Свэчко громоздилась будущая тыловая фортеция нижней челюсти. У Акси-Вакси возник импульс сквозануть через Карла Маркса на 26 Бакинских комиссаров. «Капитаны» тогда могли разделиться на две группы, то есть по одному. Сейчас Акси-Вакси подвергнут допросу: ты чего, мол, тут крутишься? Восемилетний малолетка в не по сезону легких штанах, однако в утепленной кацавейке – от слов «кац» и «вейся» – не станет же открыто высказывать свое восхищение шпаной и о своем сравнении этих «капита-

нов» с устричными пиратами залива Сан-Франциско не скажет ни слова. Он скорее скажет, что получил задание по сбору металлолома, но никогда не признается, что кишки сводит от голода в этой слегка промороженной местности говна.

Боба и Шмок могут представить допрос с пристрастием. Признавайся, оголец, на кого работаешь? Шпионское гнездо инженера Кочина, что ли? Ну что, дадим ему ультиматум по жопе, Боб? Я лучше возьму его за кость, Шмок.

Тут может послышаться стук довоенных каблуков. Бежит, спешит собственная пленника Акси-Вакси тридцатилетняя тетя Котя с сияющими голодом глазами, в распахнутой жакетке, под которой – притягательная грудь. Она может не глядя вырвать второклассника у дегенеративной публики упадочного кинофильма.

«Дай мне руку и идем. В нашем районе открыты питательные пункты. Мне выданы талоны!» – горделиво воскликнула тетя Котя. Акси-Вакси помчался по флангу.

Они стремились двинуться центростремительно и отчасти центробежно по отношению к заваленным внутрь окнам коммуналки. Там на подоконнике вытянутыми иконками могут зиять три голодающих лика: семилетняя сестричка Галетка, трехлетний неуклюжец Шушуршик, двухлетний четырехцветный Бубурс. Последний, правда, недурственно промышлял мышней.

Эта публика, включающая и восьми-с-половиной-летнего Акси-Вакси, в связи с возможным полным отсутствием завтрака могла помещаться на расщепленном подоконнике, с которого виден был трамвайный тракт, по которому циркулировал на базар и обратно беглый народ наших захваченных врагом западных провинций.

Сидя на окне, детский люд мог себе вообразить победоносное возвращение нашей главной кормилицы тетушки Ксении. Да, ей удалось освободиться, вообразим, от обуви, предположим, от почти новых галош с мягкой красной подкладкой, или от предметов домашней утвари, ну, скажем, от мясорубки, за которую могут отстегнуть солидную сумму. Допустим, что ей удалось 10 процентов комиссионных за продажу обратить в оптимистическую поклажу – в различные, вообразим, тючки, ну, скажем, с сахаром или с липкими подушечками, мешочки, хо-хо, с картофелем или с луком, в шматок салыца или в четвертинку подсолнечного масла... Хо-хо-хо, эдакий пир, как оживает наш очаг и как мы сидим вокруг стола и с любовью смотрим друг на друга перед тем, как начать тихую трапезу.

Увы, далеко не всегда так бывает, а чаще тетушка Ксюша приходит с пустыми руками, а дочь ее тетя Котя прибегает из бюрократических чертогов волжской республики, потеряв весь день в попытках прикрепить наши продовольственные карточки хоть к какому-нибудь, пусть хоть самому затрапезному, магазинчику. Вот так могло быть и в тот день бесснежной зимы. Тетя Котя может нервничать, рыскать в ридикюле в поисках пит-талонов. Могут пронестись мимо нее сзади, как шпанистая конница Чапаева, вея и хлопая коротким черным тряпьем, короли смежных дворов, могут далеко обогнать и поджидать, приплясывая под воображаемые балалайки:

Тетя Котя,
Что вы трете
Между ног,
Когда идете?

Молодая дама может коротко взрыдать в заскоружлый кружевной платочек. Альтернатива: «Синенький скромный платочек падал с опущенных плеч...»

Акси-Вакси не герой и штаны у него с дырой, однако и он способен головенцией въехать в брюханц тому или иному хулигану, «косте-капитану». Тетя Котя, однако, увлекает его в пол-парадное.

«Негодяи! – кричит она в полностью отсыревший участок платка. – Дождетесь, дядя Феля вернется под стягами победы!»

Говорят, что с начала войны трамвайный городище Булгары по количеству населения вырос в десять раз и превзошел два с половиной миллиона. Толпы эвакуированных толклись на барахоловках, пытаясь что-нибудь продать из предметов обихода – ну, скажем, абажур или патефон, – чтобы купить хоть малую толику съестного. Голод между тем только увеличивался.

Городские власти почти в истерическом состоянии стали открывать питательные пункты, куда пропускали по талонам. Тетя Котя, то есть дочь тети Ксюши и мать моих малолетних племянников, только что поступила на работу в Радиокомитет, и ей до начала следующего месяца предложили питаться по пунктам. Вместо того чтобы растянуть эти свои талончики на две недели, она собрала все семейство и двинулась в «Пассаж», под стеклянной крышей которого как раз и располагался основной питательный пункт.

По мраморной лестнице со стертыми до острых углов ступенями лепились очереди голодных. Что еще запомнилось? Как ни странно, обилие света. Остатки кафеля на полу и на стенах отсвечивали солнечные лучи, проникающие сквозь разбитый грязный купол. Беспорядочно порхали воробьи, и зловеще кружили вороны. К концу войны этот купол, кажется, обвалился.

В меню было одно блюдо – «горячий суп с капустой». Отнюдь не щи и уж тем более не борщ. Подсобники с красными повязками вываливали в котлы с кипятком грубо нарубленные кочаны. Там они более или менее размягчались. «Суп» обладал удивительной зеленоватой прозрачностью, потому что в нем не было никаких питательных добавок: ни картошки, ни крупы, ни свеклы, не говоря уже о мясе или масле. Похоже, что и соли туда не добавляли, хотя подсобники растаскивали мокрые, с обрывками упаковки булыги минерала. Иными словами, питательный состав был близок к совершенству: горячая вода с кусками капусты.

Мы, семья Котельниковичей, все дети, плюс школьница Шапиро, тетя Котя, тетя Ксения и баба Дуня, покончили со своей едой, не вдаваясь в подробности вкуса. Миски и ложки у нас тут же отобрали и показали нам всем на выход. Запомнилось ощущение горячей тяжести в желудке.

«Хоть и противно, а все-ш-таки полезно», – сказала тетя Ксения.

Вокруг среди выходящих повторяли популярную фразу тылового кошмара: «Жить можно».

«По крайней мере сегодня», – дерзковато хохотнула школьница Шапиро. Она даже крутанула какой-то фокстротик и чуть-чуть пукнула капустным пузырьком.

Пытаясь вспомнить сейчас страшную голодную зиму 1941–42-го, мне кажется, что мы, тогдашние дети, подсознательно испытывали ощущение полной заброшенности. Советский Союз на грани краха. Никто не печется больше о наших жизнях, о наших школах, об отоплении, о завтраках, о прививках, о медпунктах, о выдаче валенок и галош, об утренних гимнастике, преподавателей которых одного за другим отправляли на фронт для полного уничтожения или частичного искалечения. Приближается общий тотальный ужас – фронт! Идет волна зажигательных бомб. Кто спасет наши дряхлые дома от полыхающих стен? Какую пользу принесут бочки с водой и ящики с песком? Любые фотографии или кадры «Новостей

дня» говорят какому-нибудь смекалистому мальцу, что против нас на больших скоростях движется европейская техника, что сонмище мотоциклистов – это новое поколение безжалостных захватчиков.

Акси-Вакси иной раз вспоминал бодрость довоенного Агитпропа. Вот, в частности, по музыкальному департаменту Гражданской войны – ведь сколько было мечтательных музык! Вот возьмите, например, «Там вдали, за рекой зажигались огни, / В небе ясном заря занималась, / Сотня юных бойцов из буденновских войск / На рассвете в поля поскакала...» Или там: «Дан приказ: ему на запад, / Ей – в другую сторону, / Уходили комсомольцы / На гражданскую войну...»

Ах, Акси-Вакси, как мечтательно все это такое тебе представлялось, и все звало вперед, и близилась бесконечная и манящая победа...

А ведь сейчас, в такой страшной заброшенности, и Агитпроп-то фактически развалился, оставив одну лишь оскаленность, чудовищный грохот чугуна, до перехвата горла какую-то исковерканную безнадегу.

«Вставай, страна огромная, / Вставай на страшный бой, / С фашистской силой темною, / С кровавою ордой!

Тупой фашистской нечисти / Загоним пулю в лоб! / Ублюдкам человечества / Сколотим крепкий гроб!

Дадим отпор душителям / Всех пламенных идей, / Мучителям, грабителям, / Пытателям людей...»

Да, эта песня владела каким-то магнитным гипнозом, однако массы, влекомые ею, волоклись в какую-то неизбежную штольню. Акси-Вакси, ковыляя по наледи, пытаюсь разогреться после нетопленной школы перед промерзшей квартирой, неизбежно вспоминал, как что-то рухнуло четыре года назад в его личном детском мире. Катастрофы шли одна за другой, а одна просто-напросто положила на горло ворсистую лапу. Трудно было понять, откуда идет давление: снаружи от мокрого ворса или изнутри от ворсистой глисты. Где-то в просторе инфекционного отделения рыдала мать какой-то девятилетней девочки. Мальчик, оставшийся в полном одиночестве, задыхался и хватал за руки сестриц. Потом провалился в беспамятство и очнулся перед высоким заснеженным окном. В этой заснеженности вдруг вспорхнула с ветки стайка красногрудых, как их, как их – снегирей. Вздохнул свободно и вспомнил, что спасен.

То, что было тогда с ним одним, сейчас, казалось, подбирается к общему горлу Советского Союза. Женщины, сможете ли нас спасти? Оставьте хоть малость надежды.

Вот так же пройдите по проходу инфекционной клиники, как шли мои тетки и дядя Феля с кулечком завернутых в папирусную бумагу апельсинов: NO PASARAN!

К 1943-му положение чуть-чуть изменилось в лучшую сторону. Во-первых, наладилось малость мошенничество. Измученное население научилось как-то соображать, кому, какие и за что надо оказывать услуги. По продовольственным карточкам стало возможным иногда получать невиданные доселе продукты: белое мягкое (для намазывания на хлеб) сало – лярд, яичный порошок для омлетов или просто для посыпки поверх сала, мясные консервы, ветчинные консервы с ключом на мягкой металлической ленточке (шофер генерала Мясопьянова показывал нам, как правильно наматывать ленточку на ключик), сгущенное молоко, сухое молоко в пакетах с непонятными английскими надписями, пакетики чаю на одну заварку... и т. д.

Поставки продовольствия в рамках lend-lease («в-долг-с-рассрочкой») не только уберегли миллионы детей от истощения и рахита, они также подняли общее настроение. Еда прибывала к нашим желудкам, в общем-то, в мизерных количествах, однако народ вроде бы

стал понимать, что он не одинок, что о его детях пекутся в далеких странах, как тогда говорили, «свободолюбивого человечества».

Акси-Вакси приближался к старшему детскому возрасту и однажды проснулся ночью с острым чувством ностальгии по только что ушедшему в прошлое «году голода». Ночные просыпания случались и раньше, после выемки мальчика из детского коллектора, собранного после ареста родителей. Сердце бухало по всему телу, темный ужас то погонял его, то непростительно тормозил: как бы не рассыпать все это по дороге; куда бежать? Ностальгический подъем отличался от темного драпа. Вдруг Акси-Вакси почувствовал подъем человеческого достоинства. Нет-нет, мы не просто подышали! Мы выдержали!

В пятых классах знаменитой девятнадцатой школы, что расположена была по соседству с клиниками мединститута, народ донельзя волновался судьбой северных конвоев союзников, что упорно продвигались к нашим берегам с грузом обогащенного витаминами яичного порошка. Все дальше и дальше к Мурманску и Архангельску через необъятные просторы, где за каждой волной дежурили нацистские перископы, а воздушные перехватчики готовы были выпрыгнуть из-за каждой тучи.

Холмский сказал Акси-Вакси, что конвои теряют по пути пятьдесят процентов своего состава, в том смысле, что половина кораблей идет ко дну. Уцелевшая половина сразу идет в ремонтные доки, а уцелевшие моряки Англии, Америки, Канады, Австралии, Индии и Польши в советских морских госпиталях теряют руки, ноги, фрагменты лиц и приобретают только стручковидные свисающие трансплантаты.

Пронзительное чувство общности охватывало пятые классы.

Повальная голодуха отодвинута. Запад снабжает нас хоть и минимальным, но все-таки реальным количеством белков, жиров и углеводов, а также витаминных кислот.

В начале 1960-х, будучи уже молодым писателем, я написал рассказ «Завтраки 43-го года». Мне вспомнился тогда ежедневный школьный завтрак, представляющий из себя ломтик ржаного хлеба, смазанный лярдом и присыпанный сверху яичным порошком. В классе образовалась блатная группа, обложившая пятиклассников данью. Две трети завтраков исчезали в замазанных мешках блатных. Герой вспоминает, как они вдруг решили бороться за свои кусочки, то есть напрямую присоединиться к действиям ленд-лиза. Слава морякам северных конвоев и пилотам воздушных эскортов! Так советская наглухо заколоченная держава понемногу, хоть и со скрипом, приоткрывала свои ворота.

Одновременно с глобальными поставками еды и снаряжения большое оживление и оптимистический настрой приносили вещевые посылки рядовых граждан англосаксонских стран. Тетя Котя каким-то образом оказалась в руководящей комиссии по распределению вещей. Вдруг приносит нашей беженке школьнице Майке Шапиро какое-то восхитительное темно-синее теплое пальто с карманной этикеткой «Cashmere. India». В другой раз ошарашивают лично Акси-Вакси невиданные по красоте и по качеству ботинки. Вспоминая потом постоянно хлюпающие ноги в мокрых чоботах, я постоянно думал: откуда мои нищие тетки добывали для растущего Акси-Вакси хоть что-то пусть безобразное, но все-таки обувное?

И вдруг: я держу в руке дар небес или морей, в общем, того и другого – ботинки из Британского доминиона Канада! Любовно я поднимал эти тяжеленькие и в то же время мягонькие и наблюдал, как они плывут надо мной то парой, то поодиночке. Так я любовался ими, как какими-нибудь великолепными щенками с многообещающим будущим; казалось, они запляшут сейчас, переполненные радостью жизни. Я переворачивал их подошвами вверх и глаз не мог оторвать от неслыханных подошв, на внешней стороне которых, на обеих, во всю ширину красовались рельефные отпечатки герба Британской империи.

Эти гербы убедили меня, что я, полуоборванец в свалывшихся валенках и потрескавшихся галошах, не имею ни малейшего права щеголять в таких ботинках. Разве я могу топтать на этих гордых гербах по нашим грязным и кочковатым улицам? Не пройдет и месяца, как гербы сотрутся. Да и вообще, мое появление в новеньких полноразмерных канадских ботинках вызовет в классе настоящий «шухер». Приблатненные пацаны будут ждать меня за углом и там замастырят «темную». И придется мне пять кварталов бежать босиком домой по зассанному льду. Это в лучшем случае, а в худшем – пощекочут финкарями. Придвинутся рожи с вонючими «фиксатыми» пастями – уж столько десятилетий прошло, а все от них тошнит. Нет, эта превосходная заокеанская обувка с металлическими крючками, вокруг которых натягиваются нервущиеся шнурки, – не по мне. Пусть подождут до лучших времен, до открытия второго фронта, скажем, или до разгрома гитлеровской Германии. Иной раз он видел во сне, как гербовые башмаки растут год за годом вместе с самим Акси-Вакси.

Интересно, что в младоватые годы меня снова и как-то по-новому посетили эти гербы. Где-то я прочел – у Мочульского, что ли? – кое-что новое о нашем российском вечноватом герое Акакии Акакиевиче. Ведь он, благодаря НВГ, передвигался всегда на цыпочках, чтобы сэкономить подошвы. Нет-нет, убеждал я сам себя: вовсе не о подошвах он пекся, а о гербах на подошвах; гербы Британской империи – знаки lend-leas'a!

Завершилась эта история тем, что он отдал их тетке, а та отнесла их на толкучку. На вырученные деньги она купила пакет яичного порошка, банку сала, две банки тушенки, три баночки сладчайшей сгущенки и три кирпича ржаного хлеба. Семья воспряла, а тут еще зашел проездом морячок из Владивостока, где служил в береговой артиллерии наш дядя Феля. Он привез от него соленого лосося в пол-людского роста, из тех, что идут к нересту, ломая лед. Вообразите пир этого семейства, особенно тети Ксюши, которая протащила нас через черную пустошь 1942 года.

В начале 1943 года тетя Котя неизвестно каким образом получила должность в республиканском Радиокомитете, и не малую, между прочим, – заведомом информации, что обеспечивало продовольственным литером «Б» в надежном магазине руководящего состава. У Акси-Вакси тогда – очевидно, благодаря неожиданному повышению литеры – промелькнула шальная мысль: а что, если теперь уже скоро вернутся из «долгосрочной командировки» его некогда столь великолепные родители?

Однажды он нашел фотографию этих великолепных родителей в паспорту из отменного картона, сделанную в известном ателье на Чернышевской, которое старожилы до сих пор называли «Бывший Майофис». Великолепные родители сияли молодой зрелостью и любовью. Он был в каракулевом полушубке и в большом каракулевом же кепи, под которым посвечивали очки марки ВЦИК. У нее на плечах вальяжно расположилась чернобурка с филигранно выработанной мордочкой. Он положил этот картон между томами Малой советской энциклопедии и таким образом как бы включил их в картотеку своих сновидений.

Вот именно так они появляются в сопровождении обеих нянек, Евфимии и Глафери, а также бабы Дуни и шофера Мыльников, идут по паркетам в его спальню. Мальчик делает вид, что спит, а сам воспаряет в шоколадных ароматах: ах, какие у меня великолепные родители!

Только в 1943-м в его сознание проникает странность исчезновения этих двух великолепных. С какой стати великолепные родители оставили шестикомнатную квартиру и служебный автомобиль и отправились в какую-то малореальную долгосрочную, а может быть, и бессрочную челюскинско-папанинскую полярную командировку?

Едва лишь испарились ботиночные страсти, как тетя Котя явилась с еще одним заокеанским подарком. На этот раз это были штаны! Штаны из Штатов! Соединенные Штаны Америки! Темно-голубые жесткие штаны, простроченные суровыми белыми нитками по всем линиям кроя, то есть вдоль бедер, на зад, на карманах и на помочах с кокеткой. Кое-где в эти швы были вделаны медные неснимаемые кнопки непонятного назначения. Еще более непонятным был кусок кожи, наглухо притороченный к заднему карману. На нем были большие латинские буквы и цифра 1858. Было очевидно, что это не просто одежда для задницы, что при некоторых дерзновенных обстоятельствах они могут, скажем, затрепетать на вантах – благо что близки были к парусине.

Слово «джинсы» пока еще не существовало в вольерах русского языка. Если считать от 1944-го до 1956-го, оно еще 12 лет не появится. Пока что Акси-Вакси неловко путешествовать по жизни в таких штанах. Ребята посмеивались: «Где ты оторвал такую спецовку из «чертовой кожи»?» Постепенно А-В так привык к ним, что не представлял себе мальчика в других. Они обладали особыми свойствами: с течением времени они приобретали формы хозяйских ног, а если вы повиснете на чугунной пике городского парка, не паникуйте – выдержат!

В парке, в летнем кинотеатре, показывали новые заграничные фильмы, например, английский «Джордж из Динки-джаза». Преодолев первое капитальное ограждение, мы карабкались на деревья, окружающие кинотеатр, и, устроившись там среди листвы, затаив дыхание, просматривали до конца эту военную комедию, в которой банджист Джордж с помощью невероятных по идиотизму трюков разоблачает еще более идиотский заговор германских шпионов, нацеленный как раз на те самые северные караваны, что тащили для нас яичный порошок.

О боги Северных морей, помогите нашему лабуху с его банджо пропеть до конца все его песенки! Всякий раз, сколько бы Акси-Вакси ни смотрел эту лихую ленту, в которой людей подстреливают с той же простотой, с какой прыгают в механический чан с вращающимся тестом, где наш герой разоблачает коварную куртизанку, чтобы влюбиться в девушку из антинацистской агентуры, и она помогает ему пробраться в немецкую подлодку, и все это идет под брэнчание банджо и серебряные обвалы огромного джаза; сколько бы раз эта лента ни прокатывалась через заштопанный экран, в глубоком тылу СССР немного повышалось общее настроение.

Был некий таинственный момент в этих просмотрах. Почему-то наши беспардонные пролазы очень часто совпадали с посещениями курсантов летного училища. Парни, младшая группа которых была на четыре года старше наших пятых, нас до чрезвычайности интриговали. Их синие пилотки очень гармонировали с синими погонами. Увидев приближающуюся с грохотом сапогов роту курсантов, наша пацанва застывала с разинутыми ртами.

«Летная идет!»

«На помывку топают!»

Резко отбивая шаг, крепко держа под левой рукой банные принадлежности, из которых торчали мочалки и выскальзывали иной раз кусочки мыл, курсанты мощно держали ритм строевой песни. Интересно, что в их любимой песне звучали одна за другой две самые разные темы: ну, скажем, одна была про какого-то человечка по имени Йосел. Ее, кажется, им подарила одна беженка-москвичка, а точнее, моя сводная сестра Майка Шапиро.

Ах, бедный Йосел!
Милый бедный Йосел!

Он мал лишь ростом,
Но богат умом!
Когда он сердится,
Он смотрит косо
И вся Централка думает о нем!

А вот другая, вернее вторая, тема посвящена девичьей персоне, известной как «Подруга дорогая», о которой в унисон рявкает весь строй:

Не забывай, «Подруга дорогая»,
Про наши песни, взгляды и мечты!
Эх, расстаемся мы теперь,
Но, милая, поверь —
Дороги наши встретятся в пути!

Поговаривали у нас на дворе, что приплыла эта «вторая» от нашей соседки, Бэбки Май-офис.

Наши старшие братья, курсанты летной школы, в интимной среде напевали на свой манер один из напевов псевдопридурковатого Джорджа:

Мэри дурой была,
Мэри Джорджу дала,
А в резинке дырка была:
Мэри ро-ди-ла!

Пятые классы не очень-то понимали, в чем там дело. Резинку на булавке тащили через верхнюю траншею трусов. Дырку искали не в резинке, а в траншейке, где была дырка. Через эту дырку по узкой траншейке, очевидно, и пробирался микроскопический ребенок.

Рядом с парком культуры с его киношками и танцульками находился лесопарк с оврагами, тайнами и авантюрами. Весной, в половодье, на дне оврагов разыгрывались сцены по мотивам джекклондоновского романа «Мятеж на Эльсиноре». Плавали на плотках из оторванных в Подлужной калитках. Летом там происходили битвы между мушкетерами короля и гвардейцами кардинала на шпагах, но с участием только что построенных катапульти. Но самые захватывающие романы разыгрывались, как пацаны потом поняли, между местными плохо упитанными девушками и покалеченными в реальных побоищах мальчиками.

Парк назывался «Тэпэи», в этом слышалось что-то японское, что-то сродни корифейскому роду Тагути. На самом деле название расшифровывалось попросту как Татарский педагогический институт. До революции, как говорили иные старожилы, в здешних зданиях располагался кадетский корпус. Кому-то вспоминается, что основное здание отличалось удивительной белизной своих колонн. Белизна была с течением советской власти утрачена и заменена разными оттенками бельевого цвета. Там под обшарпанными колоннами огромного военного госпиталя в погожую пору собирались в своих платишках девчушки-щебетуны. К ним на предмет познакомиться выходили военные юнцы, кто на костылях, кто с медицинскими клюками. Обмотанные головы, щелки для глаз. Подвязанные пустые рукава. Болтающаяся между костылями культя ноги.

Поправляющиеся и более или менее уцелевшие офицеры выходили в кителях и даже в кое-каких военных наградах. Остальное костыльное общество ухажеров щеголяло в палатных халатах и кальсонах. Командование госпиталя поощряло знакомства их пациентов с местным девичеством. В окружении девушек даже среди покалеченных возникало что-то все-таки похожее на романтику. Брали одеяла, кое-какие припасы, заветный бутылмент разведенной спиртяги, отправлялись по аллеям лесопарка на какую-нибудь опушку, разбивали пикники, заводили довоенные песни.

Пацаны, а среди них, конечно, Акси-Вакси, смотрели из кустов на молодежь. Многим нравилась тогда песня «Эх, Андрюша!». Вспоминался довоенный год, когда немало продуктов вдруг появилось в магазинах, а также размножились патефоны с пластинками. Дядя Феля и тетя Котя накручивали машину, а иногда, забывшись в танцах, доверяли накрутку восьмилетнему Акси-Вакси. Мальчик восхищался, когда треугольный выдвигающийся ящик музыкальной машины был до краев заполнен звукоиспускающими иголочками.

С бодрым скрипом звучал комсомольский фокстрот:

...Эх, Андрюша, нам ли жить в печали?
Играй, гармонь, играй на все лады!
Посмотри, как звезды засверкали,
Как зашумели зеленые сады!
Пой, Андрюша, так, чтоб среди ночи
Ворвался ветер, кудри теребя,
Так запой, чтобы девушкины очи
Всю весну смотрели на тебя!

Акси-Вакси вырос в своих глазах: ему поручалось крутить! Танцы на трех квадратных метрах! Дядя Феля в шелковой «бобочке», с большим значком на груди «Готов к труду и обороне» I степени, в парусиновых туфлях, протертых зубным порошком «Дарьял», широкоплечий, с крупным турецким носом, с черными прямыми волосами, распадающимися на два крыла, русский из этнически татарского района, он даже не подозревал, что дядя Феля по-итальянски означает «дядя Кот», а значит, их союз с тетей Котей означает кошачью семью.

Ах, как он любил свою Котю, такую нежную, такую светло-большеглазую, такую русую рязанско-русскую! И вот загнали за восемь часовых зон поворачивать колесо на анти-японском береговом оружии.

На третий год войны однажды Акси-Вакси примчался из Тэпэи, где, кроме всего прочего, еще происходили обмены и торговля филателистическими марками. Только что он с Холмским договорился обменять три тувинских треугольных чуда на один занюханный «Гондурас». Он уж хотел добраться по этажерке до своего хранилища, когда услышал плеск воды. В полном одиночестве в своей выгородке тетя Котя принимала ванну. Она стояла в тазу, нагая, с налитой грудью, при небольших поворотах открывался то слегка ноздреватый зад, то таинственная арка, куда углублялась пропитанная мыльной водой губка. Вдруг тетя Котя прекратила на минуту полоскание и выпрямилась, чуть-чуть поддерживая груди. Строго прикрикнула: «Перестань подглядывать, Ваксик! Ведь ты же член нашей славной пионерии!»

Тетя Котя была дочерью тети Ксении. Ее отец, телеграфист Збайков, погиб в первых же боях Первой мировой войны. Тетя Ксения, окучивая картошь и варганя для продажи к эшелонам топленое молоко, обеспечила первоначальное образование дитяти. Тетя Ксения вторично замуж так и не вышла, однако Котя подсуропилась найти воспитателя мужского

рода, и это был не кто другой, как товарищ Комсомол. Комсомолочка Котя, проходя по трем смежным дворам, вызывала волнение среди юнцов типа «костя-капитан».

Однажды Акси-Вакси застал за полуразвалившейся террасой, где когда-то семейство предпринимателя Аргамакова угощалось кумысом с вишневым вареньем, всех трех «капитанов», что стояли носами в стенку, стонали и рычали неразборчивой страстью. Первым возопил, а потом и вышел из сумрачного угла восьмиклассник Дамирка Гайнуллин. Обтирал свой повисший орган заскорузлым носовым платком.

«Чё ты там делал, Дамир?» Тот ухмыльнулся: «Как чё? Шворили на троих со Шраниным и Савочко твою тетку Котьку. От хорош бабец, ничего не скажешь!»

Никакого бабца там не было. Разъяренный воспитанник Котельниковичей с налету дронила дал ногой по жопам. Удары совпали с мучительными откровениями. Первый, Гайнуллин, подставил и свою задницу под ваксятинский башмак. Мальчишка выскочил из жадных лап и отлетел на солидное расстояние. Неуклюже раскоряченные «капитаны» ковыляли за ним.

«Скоро и сам будешь дронить, Вакса! Не попадайся тогда!»

А он был горд за то, что защитил прекрасную даму татарстанского комсомола.

Спустя некоторое время А-В нашел в тяжелых фотоальбомах дяди Фели ленты маленьких позитивов, сделанных на натуре. Туда же были вложены различные грамоты за общественные достижения: дядя Феля добился на этих поприщах нескольких большущих значков, почти равновесных народным орденам советского правительства. Здесь был и тяжелый Почетный знак Осоавиахима с рельефными изображениями противогаза с гофрированной трубой и авиационным пропеллером, а также знак ГТО на кованой цепочке, а также изумительный «Ворошиловский стрелок» за меткость попадания во враждебные сердца.

Грамот за достижения было намного больше, чем знаков: очевидно, потому, что металлы и лаки по себестоимости стоят выше, чем бумага. Среди этих грамот одна привлекла особое внимание Акси-Вакси. Это была Почетная грамота Татарстана, выданная Феликсу Котельниковичу за достижения в области фотографии.

На длинной череде крошечных позитивов изображен был уединенный пляжик на курортном казанском островке Маркиз, что на несколько верст ниже по течению великого водного потока Итиль. В праздничные дни и остров, и поток обычно наводняют трудящиеся. Едут с патефонами, чтобы полностью насладиться. Поют «Ну-ка, чайка, отвечай-ка!».

В обычные дни там пусто. Крошечных пляжиков, похожих на снимки дяди Фели, там уйма. Тетя Котя позирует то купчихой в сарафане, то профурсеткой, будучи в лифчиках и трусиках. К ней приближается чистый «буржуй», родной дядя дяди Фели Искандер Федорович. Снимает соломенную шляпу. Сцена знакомства. Дядя Феля снимает, конечно, с треноги, как он часто делает, накрывшись с головой пиджаком.

Потом пошли некоторые кадры, снятые на самовзводе. Дядя Феля, поставив аппарат на механический спуск, поспешал к тете Коте и тесно прижимал ее к себе спереди. Дядя Искандер, не теряя ни секунды, прижимал племянницу сзади. При производстве такого сэндвича юная тетя Котя была, казалось, счастлива. И Акси-Вакси не понимал почему.

Таинственный мир молодых взрослых кружил голову несовершеннолетней пацанве, особенно на холмах и в оврагах парка ТПИ. Компании покалеченных юнцов и их подруг, «выпив за армию нашу могучую, выпив за доблестный флот», разбредались парочками по тенистым тропкам. Пацаны вслед этим парочкам шныряли по кустам, и с ними Акси-Вакси,

хоть ему и было это зазорно. Вдруг выносились на какую-нибудь поляну, а там – жадные поцелуи. Вдруг под навесом какой-нибудь сирени обнаруживается апофеоз любви: стройные девичьи ноги в латаных чулках, а между ними две сильные ягодицы ходят ходуном. Девушка с ее дивным ликом стонет от страсти: «Ой, Лёночка, ой, миленький, давай, давай!» А парень старается в лопухах, подсовывая ладони то под девичий затылок, то под ее лопаточки, то под нежную попку: тебе хорошо? тебе сладко? тебе, как мне, да?

Три пацана, Акси-Вакси, Крюк и Утюг лежат в куриной слепоте, вытаращив глаза и залепив рты. Подходят по папоротникам две почти взрослые фигуры – Шранин и Савочко.

«Это что за бл...ство тут кипит в вооруженных силах? Эй, лейтенант, кончай глумиться над несовершеннолетней! Шмок, давай на них поссым для санитарии!»

Влюбленный стоит в незаправленных штанах, держит костыль над головой: «Ни с места, гады, убью!» Девчонка рыдает: слезы, сопли и слюни проникают через пальцы. Недоросли продолжают мочиться, стараясь своими дугами достичь гнезда любви. Хохот.

«Крюк, Утюг, Акси-Вакси, легкая кавалерия, в атаку!»

Все перечисленные, кроме А-В, с посвистом, как бесенята, кружат по опушке. А-В вырывает здоровенный корень репейника и вращает его над головой, пытаясь утихомирить безобразную сцену. Высокий красивый раненый в накинутом лейтенантском кителе уводит свою девушку с поля боя. Обсвистав и обпохабив любовников, Шранин и Савочко хватают Акси-Вакси.

«Ну, гаденыш, предатель родины, теперь ты в наших руках! Эй, братаны, у кого веревка есть? Ну, теперь-то уж я этого отпиз...!»

В последний момент свободы А-В бросается вниз по откосу, катится сквозь заросли лопухов, папоротников, куриной слепоты, бузины, шиповника, репейника и, наконец, на самом конце откоса влетает, врывается в забор с колючей проволокой поверху. Он валится в волжские джунгли и долго лежит не в силах двинуться с места; такое ощущение, что отбил все внутренности, во всяком случае, о селезенке надо забыть.

Вдруг засыпает. Мимо, ободряя, проходит уж. Обкрутившись вокруг ветки, долго смотрит на спящего пацана: ничего у него не отъешь, несмотря на матерые сочащиеся ссадины. Наконец он встал, донельзя бодрый, пошел курсом на юг. Из-за забора слышались плебейские казарменные рыки и похрапывание жеребцов и битюгов.

Вдруг увидел незаконченный лаз с воткнутой в жирную глину саперной лопатой. Решил завершить начинание. Пока завершал, почти догадался, куда копает – в казармы кавалерийского полка имени товарища Буденного! Вот тут-то и надо б было приклеиться в роли сына полка. Вот тут-то вместе с казаками, с этими гусарами, уланами и драгунами, на задастой строевой кобылке и войти в поверженный Берлин!

Пробравшись в первую же конюшню и почуяв кобылячий дух, перемешанный с дерьмом и кормушками, наполненными до краев кавалерийским жмыхом, Акси-Вакси отбросил фантазии и пришел в восторг от горохово-кукурузно-подсолнечных брикетов, с которыми можно и кино смотреть, ну, скажем, «Сестра его дворецкого», и книжки читать, ну, скажем, «Мартина Идена», или, скажем – и это прежде всего, – угощать своих племянников и ребят со двора.

Набил запазуху и шаровары питательными плитками, стал в два раза толще, но все-таки протасился за ограждение, после чего закопал лаз, затоптал его листьями и травой и постарался запомнить навсегда дупло с ужом. Только не надо попадаться на глаза Шранке-паскуде и Савочке-шавочке, а то обратят и передадут военно-полевой прокуратуре за ущемление конского желудка.

Сводная сестра Майка Шапиро и ее ближайшие подруги, две сестренки Майофис, Бэбка и Файка, познакомились с группой выздоравливающих юных офицеров, которым уже

возвращена была военно-полевая форма. В этой форме они каждый летний вечер проводили на танцплощадке парка культуры, который был по соседству с парком ТПИ. Там играл эстрадный оркестр, что не мешало функционировать джазам в городских дансингах «Унион» и «Электро», где в поисках женщины появлялись и иностранцы, а именно англо-американские пилоты, чьи машины ремонтировались на болгарских заводах после «челночных рейсов», а также польские офицеры из формирующейся армии Андерса и даже французы из полка «Нормандия».

Выздоровливающий контингент советской военной молодежи был в парке культуры своего рода аристократией. Вокруг них собирались табунки самых чистых девчонок с младших курсов многочисленных вузов. За проволоочной загородкой на эти классные контакты взирала кальсонно-костыльная толпа. На танцевальное пространство этих страдальцев не пускали, и они нередко начинали прямой натиск на входные калитки. Патрули горкоменда-туры пытались их вытеснить, и часто эти сцены превращались в гадкие свалки.

Немало и школьников сновало вокруг площадки. Неожиданно для самого себя Аксис-Вакси стал пользоваться авторитетом как братан самой что ни на есть классной особы.

«...Вакс, зырь, твоя-то сеструха, Майка-то, опять со старлеем Бурмистровым!»

Герой Советского Союза Бурмистров Лев при виде девушки Шапиро сжимался больше, чем перед воздушным боем. Что касается девушки, то она при виде легендарного истреби-теля, юнца с золотой медалью и боковым чубом оттенка золота, испытывала непритворное головокружение. Сжимала локотки Бэбки и Файки: «Ой, девчонки, я не могу! Посмотрите, как он хорош, этот Левка!»

Пилот все еще прихрамывал, что давало ему надежду до осени продержаться в Булга-рах, возле москвички, то есть не рисковать жизнью. Золотоволосая девчонка стала для него последним символом жизни в его страшные двадцать два года. Как это начиналось в начале лета? Объявляют громогласно: «Белый танец для товарищей офицеров!» «...В запыленной пачке старых писем...» Он стоит с папиросой в стороне. Каждый белый танец – это шанс. Файка подталкивает Майку: «Иди! Сам он дрейфит». Майка: «Не могу: ноги не держат». Бэбка: «Ты мне надоела, рыже-золотая, жди здесь!»

Дочь знаменитого городского фотографа без церемоний раздвигает плечистую компа-нию выздоравливающих, чтобы пригласить юношу-героя: «Это правда, что ты целую эскад-рию фрицев раскидал? А с девочками ты умеешь?»

Бурмистров от растерянности теряет ритм танго. Бэбка решительно подводит его все ближе и ближе к рыжеволосой красоточке, которая делает вид, что созерцает сверкающую Венеру: «Ты знаешь Майку? Она по тебе мечтает, старлей».

Вот так это у них и начинается. Мечтательница кладет руку на погон героя. В танцах ее грудь порой прислоняется к золотой звездочке. Больше они уже не могут расстаться до конца вечера. Джаз играет один за другим популярные танцы: «На карнавале под сенью ночи», «Как много слез, и совсем не понапрасну», «Есть остров, как луна серебристый» и так далее. Они уходят вдвоем и никого вокруг не видят. Иногда возникает какое-то движение, ведущее к поцелую, однако обрывается на середине пути, и мальчик с девочкой едва не теряют друг дружку. Нужно идти рука за руку, не теряться.

«Лева, ты вообще-то откуда?» – «Я вообще-то со Второго Белорусского». – «Да нет, я не об этом. Где ты родился и воспитывался?» – «В этом смысле я с Малой Бронной». – «Неужто москвич?» – «Кто же еще? А ты?» – «Ну как ты думаешь, кто же? Конечно, тоже! Очень удивляюсь, Лева, как мы на Патриарших не встречались».

Они воссияли друг на друга, как будто обрели вдруг залоги на неперемное, узаконен-ное московским детством счастье.

В воротах парка стояла толпа мальчишек школьного возраста, предлагали папиросы: «Друзья, купите папиросы, подходи, пехота и матросы!» Одна папиросина стоила один рубль. Одна пачка «Беломора», стало быть, стоила четверть учительской зарплаты. Майка из этой толпы выловила сводного братца Акси-Вакси, который и был тут же представлен бесстрашному Левке Бурмистрову. А-В в свою очередь представил Льву своих друзей, «джентльменов удачи»: Сережку Холмского, Дамирку Сафина, Ильдарку Утюганова, Бобку Майофиса, Эрика Дубая, двух братьев Яков, Мишку и Борьку.

Ребята налетали на крыльцо, там, где наглаженный старлей почти каждый вечер занимал позицию в ожидании Майки. Раньше других подклеивался к офицеру Утюг в проходах-сапожках: «Давай закурим, товарищ, по одной! Давай закурим, товарищ мой!» Подсаживались всезнайки, Холм и Акси-Вакси: «Послушай, Лев, расскажи нам про тот бой, за который ты золотую звездочку получил. Неужели действительно семь штук «мессеров» сбил? Побожись!» Лева морщился, смотрел на носок сапога: «Да наврали они все». «Кто наврал, товарищ старший лейтенант?» – изумлялся Дубай, привыкший с высшей серьезностью вникать в областную газету. Старлей отмахивался ладонью: «Да ладно вам, ребята. Сколько их там было, черт их знает. Я ничего не соображал. Жал на гашетки, переворачивался на крыло и ничего не видел. Ни хрена не понимал. Опомнился только, когда комполка стал мне орать по рации: «У тебя крыло горит! Садись на шоссе!»

Ребята забывали Бурмистрова, начинали орать, может ли одинокий «спитфайер» сбить семь «мессеров». Покрышкин и Кожедуб сбивали больше: потому что они летают на «кобрах»! Гвалт прекращался, когда на крыльце господ Аргамаковых появлялась аккуратненькая Майка Шапиро. Обычно они уходили в кино: ну вот, например, фильм «Актриса» с красавицей Сергеевой в главной роли. Бывший Чапай, майор, получивший боевое ранение в глаза, лежащий с повязкой на глазах народный артист Бабочкин вспоминает, как был влюблен в довоенную актрису оперетты. Голос Сергеевой долетает с тяжелой пластинки: «Расцветает и бушует весь ночной Монмартр, всюду море ослепительных огней! Для веселья нам не надо ни вина, ни карт! Мы расплатиться можем песенкой своей!» Красавица рядится под санитарку, стоит со шваброй, плачет. Товарищ Бабочкин в конце концов созревает, вдвоем влюбленные проходят дорогами войны. «Девушка, слушай меня! Девушка, слушай меня! С поля грозных побед шлю я привет!»

Иногда Бурмистров приглашал Майку в театр – ну, скажем, на комедию «Дорога в Нью-Йорк», – и однажды для театра он купил ей песцовую муфту. Иногда Майка тащила его на ужин в семью. Бурмистров артачился, хотя видно было, что он мечтает сидеть рядом с Майкой и есть что-нибудь вкусное, семейное.

Майке, избалованной вниманием всяких там «летунов», очень нравился юный герой. Она оторвать от него глаз не могла, когда он причесывался возле зеркала, волнуя плотную шевелюру назад и чуть вбок. Садился в углу под радиоточкой. Тетя Ксения ободряла офицера: «Лев, щи будешь?»

Он молча кивал. Кроме щей, от всего отказывался, а между тем всякий раз вынимал из карманов галифе две баночки свиной тушенки.

«Почему ты все время молчишь, Лев?»

Он отвечал молчанием на вопрос о молчании. И только однажды, за неделю до возвращения в действующую армию, он разразился признаниями: «Я боюсь, что больше тебя не увижу. Что ты меня не увидишь. Что мы друг друга больше не увидим. Боюсь страха. Все, что пережил во время ранения, никогда не забуду. Можно ли летать со страхом? У нас

говорят, что в Люфтваффе созданы специальные группы для охоты за советскими асами. Погибаю, Майка, просто погибаю от ужаса войны». Уехал.

Они обменялись всего лишь двумя треугольными письмишками со штампом «Проверено военной цензурой». Фронт подходил к Польше. Было не до писем. Во втором письме летчик спросил: «Хочешь быть моей невестой?» Она ответила: «Я и так твоя невеста».

Потом последовало месячное молчание, после чего прибыло официальное извещение: «Командование Н-ского авиаполка с глубоким прискорбием извещает Шапиро Майю Григорьевну о том, что ее жених, Герой Советского Союза капитан Бурмистров Лев Иванович, погиб в бою с превосходящими силами противника. Память о нем всегда...» и т. д. К этой официальной бумаге была приложена страница из фронтовой газеты «Залп». Этот номер вышел за неделю до трагического боя над Гродно. На фотоснимке герой смеялся так, как будто никогда не знал страха. Майка две недели проревела, бросила мединститут и поступила на ускоренные курсы военных переводчиков. Акси-Вакси продал три тувинских марки и на вырученные деньги купил сводной сестре полдюжины медовых козинаков.

Между тем на тыловых базах армии и флота продолжало накапливаться все больше товаров. Каким-то образом это отражалось и на состоянии школьных классов. Однажды в 5 «Б» появился новый ученик, Генка Миронов, довольно плюгавенький хмурневич во флотском кительке. Он был не очень тверд в ориентации, все время оглядывался, как бы ему не дал кто-нибудь по затылку.

«Ты чё?» – спросил его сосед по парте Акси-Вакси. «Да ничё», – содержательно ответил Мироша.

Потом пол-урока молчали, а на перемене новенький полез в сырмятный ранец, покопался там и вытащил гирлянду странных полупрозрачных крупных кристаллов, висящих на шпагате: «Хошь глюкозы?»

Это была настоящая нацистская синтетическая сладость, которую Акси-Вакси никогда собственными глазами не видел и ртом не сосал.

«Еще б не хочу!»

Мироша дал ему кристалл. Засунув штуку в рот, Акси-Вакси страдал от неслыханного блаженства. Мироша прогладил слюнцой боковой проборчик волос: «Слышь, тут ребята говорят, что у тебя матуха припухает, это верно?»

Акси-Вакси ничего не сказал: ни да, ни нет. Мироша оторвал от гирлянды кусок бечевки с полдюжиной кубиков и пирамидок.

«Значит, у тебя мамаша контра, – хохотнул Мироша. – Потом расскажешь, лады? А у меня ведь папаша контра – контр-адмирал, в Волжско-Каспийской зампотылу. Допер?»

Вместо ответа А-В засунул бечевку со сладкой геометрией в карман байковых штанов: к ним приближалась группа Курро.

Сам Курро, то ли недоросток, то ли переросток, был стрижен под бокс и, единственный в классе, носил взрослый пиджак. Донашивал клифты разжиревшего в райкоме папаша. Был стопроцентным отличником. Он выглядел взрослым и на все вопросы отвечал по-взрослому. Один только раз ответил не по существу. Новая училка спросила крепыша: «С кем граничит СССР на юге?» Она уже обмакнула свой № 86 в непроливайку, чтобы вывести ему вечную пятерку, однако Курро не ответил на великолепный вопрос. Она подняла глаза и увидела, что он ее гипнотизирует. В чем дело?

«А глаза-то голубые!» – прогудел юнец, который в этот день подрисовал себе на верхней губе микояновские усики.

Вспыхнувшая несусветной красою географичка немедля всадила ему «кол». Вскоре, однако, этот «осиновый» был исправлен на лебединый изгиб.

Интересно отметить, что Вова наряду с академическими успехами всегда умел продемонстрировать свои волевые качества. Благодаря этим качествам Курро каждый год создавал вокруг себя силовое ядро. Они не очень-то церемонились, чтобы показать каким-нибудь новеньким, кто тут настоящий хозяин. Вот и сейчас они подступили к Мироше – горбатый и неистовый Лёка, длиннорукий Коза, два братана Чуч и Чело: кто взял Мирошу за флотскую пуговицу, кто, обхватив сзади, проверял содержимое карманов, третий осторожненько вынимал у него из рук сыромятный рюкзачок.

Пятеро отшвырнули ненужного Акси-Вакси, а нужного Мирошу прижали к стене. Там у стенки были показаны жертве ножики. В результате было отобрано: фрицевская упаковка глюкозы, заграничное курево с верблюдом, финочка любезная с наборной ручкой, книжица размером с рабочую ладонь под названием «Тайна профессора Бураго», портретик девушки, скользящей по льду, звать Соня Ханина – вот бы нам такую по соседству, картишки-для-мальчишки с обезьяньими мордами...

Мироша всей своей жирноватенькой детской мордочкой с желвачками, а также заледевшими глазками глубоко заглядывал в хавалы грабителей. Лёка обрезал ему хлястик: «Ты чё зыришь?»

Курро скомандовал: «Ребята, делаем ноги!»

Тяжелой поступью голодного лося приближался завуч-химик Птыр Пьетрович. Курро задержался с ним, чтобы притормозить беседой об опытах Лавуазье. Завуч внимательно разговаривал с ним: он видел в Курро надежду на будущее поколение.

На следующий день к последнему звонку напротив подъезда школы встал на непонятное дежурство открытый «Додж» с двумя параллельными скамейками. Кроме водителя в этой десантной машине никого не было, а тот представлял из себя отменного морского бугая в тимофеевском тулупе и в бескозырке с ленточками.

Рядом с машиной стоял Мироша в ладном бушлатике. Поставив ногу в сапоге на подножку, он давал морскому льву какие-то указания. Звонки. Школа, а точнее пятые, бурно вывалилась в весеннюю слякоть. Морячина лыбился и пальцем спрашивал Мирона: этот, мол, или не тот?

В тот день выяснилась вся иерархия. Отцом Мироши был действительно контр-адмирал Волжско-Каспийской флотилии. Среди нищих и голодных он представлял из себя фигуру всесильного набоба: под его дланью были склады продовольствия, спирта, гирлянды сапог и кристаллов глюкозы. Большая команда морских снабженцев и стражи готова были на все, лишь бы отсидеться под его властью в тылу.

Теперь школяры стояли вокруг парадного подъезда в ожидании развязки. Все ждали Курро с его молодцами. И вот он вышел и сощурился под множеством солнечных бликов. Небольшая фигурка с хорошо развитым плечевым поясом. Три учебника заткнуты за ремень. Он потянулся. Были причины для наслаждения: гитлеровская Германия трещала под напором свободолюбивого человечества, Мирон может стать надежным источником соблазнительного дефицита. Школа, а особенно все пятые, под пятой. Успеваемость на высшем уровне.

И вдруг он увидел две рожи, внимательно озирающие его через улицу: мстительное дитя и добряцкий палач. Не задавая ни единого вопроса и не разбираясь ни в чем, а только лишь осознавая, вернее осязая свою полную незащищенность, он бросился бежать; полы отцовского пальто парусили.

Странно, но он бежал в полном одиночестве: боевая группа полностью испарилась. Короткие ножки его мелькали, по всей вероятности побивая мировые рекорды по спринту.

Пятые классы – «А», «Б», «В», «Г» – двухсотенной толпой неслись за своим Гитлером, и все вопили: «Курро! Хочешь булочку?» Никто в этой необузданной толпе не понимал смысла погони; не понимал этого свиста и воплей и я, бегущий на рваных подошвах, – Акси-Вакси.

Между тем развязка приближалась. По середине Галактионовской неторопливо ехал американский «Додж». Мичман Шевчушкин, стряхивая мимо пальцев пепел, старался при-тереть Курро к какой-нибудь стене. Наконец Курро выбился из сил и сам прибил к деревянной стене на углу Комлевской и Карла Маркса, то есть к коммуналке Котельниковичей, Аксенычей, Яков, Майофисов, Савочков, Шраниных, Гайнуллиных и прочих столь же своих, сколь и чужеродных. Иными словами, именно возле нашего дома Курро забился рыбой. Прятал рыло. Рыдал. И только тут я сообразил, что вождь пятых прибил к дому 55, что на Маркса, то есть как раз к тому, в котором все мы, несчастные, прозябали.

Позднее, когда по экранам державы-победительницы прошли захваченные в Европе фильмы тридцатых, Акси-Вакси вспомнил эту мизансцену как классику ковбойского вестерна. Прижавшись к стене, стоит главарь местной банды, закрывает лицо руками. За пояс засунуты три учебника, из них верхний называется «История СССР». Пятые окружают сцену подковой, бессмысленно орут. К тротуару подъезжает десантный «додж». Нет, не зря союзники волокли такие тачки по полярным трассам, маневрируя среди бомб и торпед: теперь он участвует в эпизоде «расчет с главарем».

Шевчушкин глушит мотор, тянет на себя какую-то железяку с рукояткой, потом одним движением выкидывает свое огромное тело в гущу пятых. Боги морей, рек и болот, какой это великан! Самый длинный второгодник из пятых не достанет ему и до плеча!

Шире, грязь, говно плывет!

Мироша семенит за экзекутором, накручивает на кулак флотский ремень с медным якорем. Толпа улюлюкает. Никакого сочувствия к Курро – он не похож на наших. Он, скорей, похож на одного из седьмых. Средневековая потеха!

Имя Шевчушкина быстро становится символом расправы. В дурацкой школе многие учили-мучили полагали, что дисциплина подтянулась благодаря пионерской организации. На самом деле за новым вождем Мирошей стоял гвардии мичман – теперь он, расставив ноги, высился над дрожащей тварью Курро, последышем райкомовского семени.

Два слова о пионерах. Акси-Вакси еще в прошлом году присоединился к юным ленинцам. Тетя Котя неизвестно откуда принесла ему шелковый алый, который трепещет.

Как наденешь галстук,
Береги его:
Он ведь с нашим знаменем
Цвета одного.

Он идет. Я иду. Они шагают. Ветер дует. Галстук играет вокруг лица. Он не один, мы все вместе – восторг!

Старшие братья идут в колоннах;
Каждому двадцать лет.

Ветер над ними колышет знамена,
Лучше которых нет!

Все в актовом зале выстраиваются в шахматном порядке. Рядом со мной стоит Зара, неотразимая крошка. Курро и Коза однажды ему нашептали, что, когда армянка поднимает по-балетному ногу, у нее там, в промежности, открывается какая-то пленка, под которой прячется определенное количество глюкозы. По очереди гвоздим человеконенавистнический режим Гитлера и его клики. Все пионеры, парами, мальчик с девочкой, декламируют мечту о мирных временах.

И о том, что затемненья
В нашем доме больше нет
И что только для леченья
Нужен людям синий свет...

Акси-Вакси гордился мельхиоровым замочком с изображением костра. Замочек был найден в ящике комода, где оставлены были нитяные «бобочки» дяди Фели. Если нажать на заднюю лопаточку замка, прибор упруго закрывался и подтягивал галстук. Замочек остался от тех времен, когда дядя Феля был старшим вожатым пионерлагеря «Пустые Моркваши».

«Тетя Котя, нас много?» – «Ну конечно много, Вакси». – «Больше, чем миллион?» – «В сто раз!»

Теперь вместо пионеров на Маркса, 55 стояла улюлюкающая толпа пятых. Курро завизжал прежде, чем морпех его тронул. Шевчушкин залепил его странно взрослую физиономию всей своей огромной лапой. Сжал. Меж пальцев засквозила кровь. Разжал. Вытер лапу о курровский пальтукан. Мироша махнул ремнем с якорем. На этом акция возмездия закончилась.

Сон Акси-Вакси на двенадцатом году детства

Почему-то снилось все такое белое, здоровенное, в непрерывном державном движении, то ли в полете, то ли в плавании, гуси, что ли?

Гуси, гуси, гаганы! Улетаем, андерсоны, диверсанты! Огромная стая, ведомая Курро, проходила через весенний сон пятых. Те норовили выдрать у него перо. Оголенное, в пупырышках пузо теряло скорость. А гвардии мичман взмывал все выше! Лирическим баритоном сукин сын выводил советскую лирику:

Там за волнами,
Бурей полными,
Моряка родимый дом!
Над крылечками
Дым колечками
И черемуха за углом.
Ну, а главное —
Это славная,
Что давно матроса ждет.
Шлют улыбки ей
Волны зыбкие,
Ветер ластится штормовой.

Пронзительный, то ли юношеский, то ли девичий голос взвинул предвкушение чего-то то ли любовного, то ли порочного:

Синие очи
Далеких подруг!
Ой вы, ночи, матросские ночи!
Только волны да ветер вокруг!

На каком-то огромном историческом вираже произошла мгновенная смена власти. Мироша стал морским тираном всех пятых. Курро занял за ним строго второе место и этим определил всю свою будущую жизнь: он рос постоянно и непрерывно, однако никогда не смог занять места выше заместительского.

Мироша наоборот. Он стал отдаленным и таинственным владыкой. Однажды всей семьей Котельники-Ваксонычи-Шапиро сидели на невероятно высокой деревянной лестнице из тех, что понастроены были в эпоху «Бесприданницы» на высоком берегу Волги. Мальчик оделял всю семью кристаллами глюкозы. Сверху спускался здоровенный и раздутый до кипения тульский самовар. Снизу поднимались чайные приборы, несомые группой активистов во главе с Курро. Семья готовилась испытать удовольствие, процеживая бурый чай сквозь помещенные во ртах кристаллы. Щеки выглядели не совсем симметрично.

И вдруг глубоко внизу сквозь неслыханной красоты березовую рощу прошла броневая эскадра Волжско-Каспийской флотилии: четыре мелкосидящих речных дредноута с огромными пушками. По палубе одного из них, то ли ведущего, то ли из ведомых, прогуливался контрик-адмиралчик Степаша Мироша в петровской треуголке. Очевидно, он обдумывал удар по Ирану и так растворился вместе с кораблями, оставив только густой хвост угольного дыма.

Мне было пять лет. Я вспомнил этот возраст вместе с дымом. Я стоял в огромной спальне у огромного окна. Страдал одновременно коклюшем, свинкой, чесоткой и водянкой живота. Почти каждый день под влиянием ветров на парк за окном наплывал или осыпался черный дым. Снег чернел с исключительной быстротой. По белой коре берез стекали грязные ручейки. Дым поднимался гигантскими вздутиями из-за города Коросты. Чтобы не идти на прогулку, я втянулся в подпостельное царство. Полз мимо горшков. Кое-где в сосудах словно тритончики висели бородавчатые какашки. Как я сюда попал?

Мама пропала в феврале. Ей позвонил майор Веверс, так я слышал от отца. Товарищ Гинз, я был бы вам очень благодарен, если бы вы нашли время заглянуть к нам на Бездонное озеро. В любое время, хотя бы даже сегодня. Мне почему-то казалось в ту ночь, когда она не вернулась, что она совершает бесконечный спуск и гулко так к кому-то из Гинзов взывает.

В начале июля пропал и отец. Тот же самый синеглазый Веверс сиял на него плотоядным взглядом. Отец тоже был синеглазым, но он смущался, только иногда поднимал взгляд. Зачем я пришел по приглашению вот к этому? Почему не бросился на вокзал?

В конце июля приехала опермашина за Акси-Вакси. В большущей квартире все комнаты были уже запечатаны, кроме детской, где ребенок ютился вместе с двумя русскими старухами, Евфимией и Авдотьей. Явились трое: два толстозадых дядьки и одна толстозадая тетка. Сейчас поедem к маме с папой, мальчик. Вот тебе от них конфета. Гадкая карамель. Стояла летняя светлая ночь. Старухи выли в голос, провожая единственного дитятю. Сводных детей успели развезти по столичным городам их родители.

Булгары в те времена резко обрывались обрывом, за которым змеилась худосочная река Мефоди, и дальше простирались бесконечные заливные луга. В этих поймах вроде бы не было ничего, кроме большого трехэтажного кирпичного дома. При повороте к нему в окнах ослепительно просиял восход, как будто советуя пятилетнему арестанту: «Биги!» Или – «Бегги!» А может быть – «Бегай!»

Эпоха была характерна огромными детскими спальнями. Проснувшись, я не мог уже уснуть. Не мог и уха оторвать от подушки. Вокруг истерически бесновались старшие дети. Все они, как и я, были детьми врагов народа. Кто-то вырвал у меня из-под уха подушку и запустил – враг во врага. Вот откуда, наверное, взялись гуси, гаганы. Я боялся вылезти из-под одеяла. Сосал хвостик последнему домашнему животному – набивному слону. Вдруг я увидел в окне, с внешней стороны проволочного забора, трех жалких любимых существ: Евфимию, Авдотью и Ксению – так, по-гречески, звучали их наименования. Они пришли меня искать, но, увы, неграмотные, они ничего не нашли. То ли я сам взревел, то ли мой слоник, но я куда-то помчался, лавируя меж красноармейских ног. Убивать или просто бить младший детский возраст не полагалось; перехватывать – пожалуйста. Меня куда-то усадили за ширму и заперли на ключ.

Очередная сцена – четырехместное купе в поезде до Коросты. Трое мальчиков, включая Акси-Вакси. Сопровождающая энкавэдэшница, не запомнившаяся ничем, кроме мелких геометрических фигурок на воротнике, то ли треугольнички, то ли кубики. Ах да, вот еще одна примета: она поет: «Мы красная кавалерия, и про нас / Былинники речистые ведут рассказ – / Про то, как в ночи ясные, / Про то, как в дни ненастные / Мы пьем без удовольствия наш пролетарский квас».

Она поет, мурлычет вот это тошнотное. Думает, что все мальчики спят, раскачивается, один глаз закрывается, другой открывается, терзается, берет себя за горло, мычит, стонет.

Утром прибываем в Коросту. У мальчиков у всех уже подтянуты ремешки: штанишки не спадают, чуть-чуть сползают чулки, слегка пуговицы висят на размотавшихся нитках, помочи могут стать подобием мышинного хвоста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.